

И. И. Дубасов

**Очерки из истории
Тамбовского края**

Выпуск 4-5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д79

Д79 **Дубасов И.И.**
Очерки из истории Тамбовского края: Выпуск 4-5 / И. И. Дубасов – М.: Книга
по Требованию, 2013. – 390 с.

ISBN 978-5-518-06464-5

ISBN 978-5-518-06464-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

подробностяхъ повторяють одна другую. Но этотъ мой литературный недостатокъ, по моему мнѣнію, былъ неизбеженъ, такъ какъ работа моя шла по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, и со временемъ, при первомъ удобномъ случаѣ, будетъ легко устраненъ. Нельзя же мнѣ былъ ждать *окончательнаго* собранія моихъ матеріаловъ, потому что имъ и теперь *конца не предвидится...* Поэтому у строгихъ критиковъ я прошу прощенія и въ свое оправданіе привожу скромную народную пословицу: чѣмъ богать, тѣмъ и радъ...

За критическія замѣчанія, каковы-бы они ни были, я весьма благодаренъ многочисленнымъ своимъ рецензентамъ. А воть, Богъ дастъ, когда нибудь по этимъ замѣчаніямъ я и закончу свой трудъ, задуманный не суетно, но по любви къ исторической наукѣ и къ родному краю...

Затѣмъ я приступлю къ 1-й главѣ настоящаго выпуска, именно къ вопросу о мѣстной колонизаціи.

Тамбовская колонизація и ея дѣятели.

Тамбовская губернія, безъ всякаго сомнѣнія, одна изъ самыхъ типичныхъ областей черноземной, срединной Россіи. Эту черноземно-срединную полосу она прорѣзываетъ отъ самой границы промышленнаго пространства и до южно-русскихъ степей. На Тамбовскомъ сѣверѣ унылые и мрачные шумятъ хвойные лѣса, а на югѣ стелются тучныя пажити и поднимается ковыль-трава. Не плѣнитъ насъ, и особенно заѣзжихъ гостей, наша губернія дивами природы: холмами, покрытыми яркой зеленью, живописными оврагами, съ звонко-бѣгущими ручьями, и широкими многоводными рѣками. И не замѣшкаетъ любопытный путешественникъ въ нашихъ городахъ, за отсутствіемъ въ нихъ дивъ зодчества. Господствующій нашъ ландшафтъ—безграничная равнина—пашня, и лишь одни лѣса и рощи, мѣстами сохранившіеся отъ хищническаго топора лѣсо-промышленника, скрашиваютъ однообразную нашу природу... Но за то Тамбовская равнина—пашня давно славилась и теперь славится на всю Русь обильными урожаями хлѣбныхъ и техническихъ растеній и всякаго огороднаго овоща. Это—по истинѣ русская черноземная сила, дающая съ своихъ полей ежегодно болѣе 15 милліоновъ четвертей разнаго хлѣба и иныхъ посѣвовъ. Отъ того-то въ Тамбовской губерніи въ сравнительно короткій періодъ, начиная со второй половины XVI вѣка, образовалось посредствомъ колонизаціи такое населеніе, которое по его численно-

сти относительно пространства губерніи (на 1200 квадратных миль около 2400000 человекъ) принадлежит къ самымъ первымъ въ Россіи... Впрочемъ и гораздо ранѣе XVI вѣка наши поля, степи и лѣса не были безлюдными. Еще во времена первыхъ русскихъ князей у насъ жили Мордва, Мещера, Буртасы и другія Чудскія племена, а по окраинамъ сплошныхъ инородческихъ поселеній скромно ютились починки русскихъ пионеровъ—Вятичей. Впослѣдствіи же край нашъ постепенно входилъ въ общія условія русской государственной жизни, начиная съ XIII вѣка, когда, судя по грамотамъ Митрополитовъ Θεогноста и Алексея, наша рѣка—Ворона была границею Золотой Орды съ Рязанскимъ княжествомъ, и на все это есть совершенно опредѣленные, хотя краткія и отрывочныя, лѣтописныя указанія.

Въ началѣ Несторовой лѣтописи мы читаемъ слѣдующія строки: „а по Оцѣ рѣцѣ сѣдять Мордва, свой языкъ..., иже дань даютъ Руси“ ¹⁾. На основаніи этого лѣтописнаго текста мы съ увѣренностію можемъ сказать, что Мордва—давнѣе и неразлучные наши земляки и что они изстари были служебнымъ элементомъ для мѣстныхъ славяно-русскихъ аборигеновъ—Вятичей, которые, по Нестору, жили тоже по Окѣ.

Въ другомъ мѣстѣ Несторъ говоритъ: „иде Святославъ (въ 964 году) на рѣку-Оку и налѣзе Вятичи и рече Вятичемъ: кому даете дань? Они жъ рѣша: Козарамъ по шелягу отъ рала даемъ... И побѣди Святославъ Вятичи и дань на нихъ возложи“ ²⁾. Отсюда намъ ясно, что первый опытъ государственнаго объединенія славяно-руссовъ нашего края имѣетъ совершенно опредѣленное начало: до 964 года мѣстные русскіе люди—Вятичи жили въ Окскомъ бассейнѣ особо, не вѣдая общерусскихъ интересовъ.

¹⁾ Изданіе 1767 года, стр. 10.

²⁾ *ibid.* стр. 56.

Подъ властію Кіевскихъ князей наши Вятичи ужались не долго. Уже въ 982 году они возмутились и вызвали противъ себя походъ князя Владиміра. „Въ лѣто 982-е, сказано въ Несторовой лѣтописи,—заратипаша Вятичи и иде на ня Володиміръ и побѣди я второе“³⁾.

Между тѣмъ наступила смутная эпоха княжескихъ усобицъ. Лютая свара пошла по Русской землѣ изъ конца въ конецъ. Въ это время наибольшая часть нынѣшней Тамбовской губерніи принадлежала Рязанскимъ князьямъ, а Тамбовскій сѣверо-востокъ тяготѣлъ къ Муромскому княжеству и вслѣдствіе этого, вѣроятно, принималъ участіе въ борьбѣ Муромскихъ князей съ Камскими Болгарами. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ лѣтописецъ выражается чрезвычайно кратко и неясно, именно такъ: „въ лѣто 1088-е Болгаре взяша Муромъ“⁴⁾.

Въ самомъ концѣ XI вѣка, когда княжескія усобицы особенно осложнились и усилились вслѣдствіе участія въ нихъ извѣстнаго *Гориславича*, и наши тамбовско-шапкія пустоши и дебри сдѣлались ареною для междоусобной борьбы. Въ 1096 г. князь Мстиславъ, сынъ Владиміра Мономаха, по Окѣ и притокамъ ея воевалъ съ Олегомъ Святославичемъ (Гориславичемъ), при чемъ Ольговичи шли съ юга, отъ Медвѣдицы и другихъ Донскихъ притоковъ, и проходили къ сѣверу западною окраиною нынѣшней Тамбовской губерніи⁵⁾.

Пользуясь княжескими распрями, Мордовскіе и Мещерскіе *пани* пытались освободиться отъ Русской власти и начинали открытую анти-русскую борьбу. „Лѣта 1103, говоритъ лѣтописецъ,—бися Муромскій князь Ярославъ Святославичъ съ Мордовою и побѣжденъ бысть Марта 4 дня“...⁶⁾.

³⁾ *ibid.* стр. 71.

⁴⁾ *ibid.* стр. 129.

⁵⁾ *ibid.* стр. 150.

⁶⁾ *ibid.* стр. 171.

Можетъ быть именно къ этой эпохѣ и относятся тѣ многочисленные *городки и городища*, которыхъ особенно много сохранилось въ *сѣверныхъ Тамбовскихъ* уѣздахъ и которые въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ извѣстны подъ именемъ *Мордовскихъ твердей*... Одно изъ этихъ городищъ, находящееся въ нашемъ Спасскомъ уѣздѣ, около села Ширингушъ, пришлось видѣть и мнѣ. Это было въ 1879 г.

Городище, очевидно, нисколько не интересовало окрестныхъ жителей, потому что къ нему не было ни дороги, ни даже торной тропинки. Я ѣхалъ съ своими спутниками по бездорожью, и вотъ предъ нами открылся высокій валъ со рвомъ. Валъ мы проѣхали безъ всякихъ затрудненій, потому что попали какъ разъ на то мѣсто, гдѣ встарину былъ вѣздъ. Вслѣдъ затѣмъ по сторонамъ нашей дороги постоянно стали попадаться волчьи ямы, болѣе или менѣе глубокія и поросшія кустарникомъ. Нѣкоторыя ямы оказались такими глубокими, что въ нихъ свободно могъ укрыться взрослый человѣкъ. Далѣе мы проѣхали второй валъ, тоже со рвомъ, и опять пошли волчьи ямы. Наконецъ мы спустились въ глубокой оврагъ и изъ него пѣшкомъ поднялись въ самое городище.

Городище представилось намъ въ видѣ высокой площади круглой неправильной формы, опоясанной въ два ряда рвами, въ настоящее время уже неглубокими и тоже покрытыми кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ. Длина его примѣрно сажень 80, ширина нѣсколько менѣе. Въ серединѣ городища находится глубокая воронкообразная яма, а съ двухъ сторонъ его проходятъ два оврага, глубиною сажень въ 8 каждый, и оба они сходятся на юго-западѣ подъ угломъ, съ восточной же стороны прорытъ искусственный оврагъ. Вся эта мѣстность сразу производитъ сильное впечатлѣніе громадностію земляныхъ работъ и невольно наводитъ на мысль о былой широкой жизни ея обитателей и о необходимости научной ея разработки посредствомъ правильныхъ раскопокъ...

Пока мы производили свои археологическія наблюденія, къ намъ подошло нѣсколько человѣкъ изъ сосѣдней Мордовской деревни Жуковки. Мы познакомились.

— А что за люди жили тутъ?—обратился я съ вопросомъ къ одному Мордвину.

— Сказываютъ старики, отвѣтилъ Мордвинъ,—царекъ нашъ Мордовскій на этомъ самомъ мѣстѣ жилъ, Зильбей Васильевичъ. Много силы было у этого Зильбея, цѣлыхъ 17 тысячъ. И былъ онъ человѣкъ недобрый, все грабилъ, и жутко было отъ его права и отъ его силы не въ этихъ только мѣстахъ, а и въ дальнихъ--дальнихъ...

— Надо полагать, спросилъ я, богатъ былъ вашъ Зильбей?

— И не говори. Казны у Зильбея было видимо-невидимо. Мой дѣдъ самъ искалъ кладъ въ этихъ мѣстахъ и разъ совсѣмъ завладѣлъ было имъ, да испугался: очень много ужъ увидѣлъ золота, цѣлыхъ 40 бочекъ.

— Куда же дѣвался Зильбей?—полюбопытствовалъ я.

— Не добромъ нажитое въ прокъ не идетъ, началъ философствовать мой собесѣдникъ. Долго жилъ въ свое удовольствіе Зильбей, наконецъ пришла бѣда и на него. Войско подступило вотъ къ этому самому городищу, надо быть царское было это войско, ну—и взяли Зильбея, и всѣхъ людей у него забрали, а самые хоромы пожгли и съ землей сравняли...

Въ это время въ разговоръ вмѣшался другой Мордвинъ. „Зильбей жилъ не въ этомъ мѣстѣ, а въ другомъ городищѣ, подалѣе. Здѣсь жилъ Тюштянь, Мордовскій князь, и была у него въ этихъ мѣстахъ труба такая, въ землѣ зарытая, и струны къ ней были прилажены, и какъ начинался вѣтеръ, труба сама играла.

— Стало бытъ, спросилъ я, хитрый человѣкъ былъ этотъ Тюштянь.

— Волшебникъ онъ былъ, отвѣчалъ мнѣ новый собесѣдникъ,—какихъ теперь и на свѣтѣ нѣтъ. Тутъ недалече есть Шатрово озеро. Рыба въ томъ озерѣ есть, а лягушекъ нѣтъ. Смекай теперь, отчего это такъ вышло. Около озера были шатры у Тюштяня. Разъ, во время жаркаго лѣта, передъ вечеромъ, заснулъ онъ въ своемъ шатрѣ. Только лягушки въ озерѣ и начали квакать. Тюштянь проснулся и проглялъ ихъ. Тогда къ утру все озеро покрылось льдомъ, толщиною въ четверть аршина, и съ тѣхъ поръ въ Шатровомъ озерѣ лягушки совсѣмъ перевелись...

— Тюштянь, продолжалъ послѣ небольшой остановки мой собесѣдникъ,—былъ послѣднихъ нашихъ княземъ. Пошли у Мордвы разныя ссоры, неурядки, Тюштянь и сказалъ тогда своимъ людямъ: „уйду я отъ васъ, живите сами по себѣ, а на память о себѣ я оставляю вамъ трубу. Какъ заиграетъ въ ней вѣтеръ, стало быть духъ мой съ вами, а какъ молчать будетъ труба, тогда значить я совсѣмъ удалился отъ васъ—такъ вы это и знайте. Сказалъ эти слова Тюштянь, а самъ обернулся въ сороку и улетѣлъ.“

Собираясь оставить Шурингушское городище, я между прочимъ спросилъ своихъ собесѣдниковъ: не находилъ ли кто на городищѣ или около него какихъ нибудь старинныхъ вещей. И на это получилъ такой отвѣтъ: „какъ не находили, находили разныя вещи, и мѣдную посуду, и молотки каменные, и топоры, и копья. Однажды нашли даже кувшины и горшки, а въ нихъ были маленькіе пироги съ капустой. Только какъ притронулись къ этимъ самымъ пирогамъ, они и рассыпались. Такъ и не удалось покушать старинныхъ мордовскихъ пироговъ“...?).

?) *Примѣчаніе.* Въ настоящее время въ Тамбовскомъ губернскомъ музеѣ хранятся слѣдующія вещи, приобретенныя мною на Шурингушскомъ городищѣ: нѣсколько небольшихъ каменныхъ молотковъ, желѣзный странной формы топорикъ, копье и какая то пражка съ мѣдными и серебряными украшениями.

Краткія указанія на давнюю жизнь нашего края есть и въ Софійской лѣтописи. „Въ лѣто 1380-е приде изъ орды ордынскій князь Мамай съ единомысленники своими *Буртасы*“⁸⁾.

Отсюда видно, что часть нашихъ Тамбовскихъ аборигеновъ успѣла заблаговременно пристроиться къ могущественнымъ татарамъ, въ массѣ которыхъ она большею частью и ассимилировалась незамѣтно, хотя указанія на Тамбовскихъ Буртасовъ, Кадомскаго уѣзда, встрѣчаются еще въ концѣ XVII вѣка, въ царскихъ грамотахъ. Но, разумѣется, это были жалкіе остатки племени, тихо и безъ всякой борьбы, вмѣстѣ и вравнѣ съ Мещерой, слившіеся съ пришлыми русскими людьми.

Въ годину Мамаева нашествія всѣмъ нашимъ Тамбовскимъ обывателямъ, русскимъ и инородцамъ, пришлось испытать самую горькую участь. Если мы припомнимъ, что Мамай шелъ къ верховьямъ Дона черезъ нашу губернію и въ Лебедянскомъ уѣздѣ, на Кузьминой гати, останавливался станомъ на цѣлый мѣсяцъ, то намъ будутъ совершенно ясны слѣдующія краткія и выразительныя слова Софійской лѣтописи: „и бысть (въ тѣ дни) туга велика, и плачь горекъ, и гласъ рыданія“⁹⁾.

При великомъ князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ сѣверныя уѣзды современной Тамбовской губерніи, съ Мордвою и Мещерой и Буртасами, по ханскому ярлыку, отошли къ Москвѣ. Объ этомъ цитируемая нами лѣтопись говоритъ такъ: „ходи князь великій Василей Дмитріевичъ въ орду къ царю и далъ ему царь... Мещеру“, т. е. Елатомскій, Шацкій, Кадомскій, Спасскій и Темниковскій уѣзды¹⁰⁾.

Смутныя указанія на нашу Тамбовскую исторію встрѣчаются и въ Никоновой лѣтописи. Начиная, при-

⁸⁾ Рос. лѣтопись по списку Софійскому, стр. 297.

⁹⁾ Рос. лѣт. по списку Соф., 297 стр.

¹⁰⁾ *ibid.* 341 стр.

мѣрно, съ IX вѣка, русская колонизація шла совершенно по иному направленію, чѣмъ теперь. Теперь она стремится на востокъ, въ глубину Азіи. Тогда же русскій мечъ, а еще болѣе топоръ и соха, обращались внутрь нынѣшней Европейской Россіи, покоряя и ассимилируя разныя Чудскія племена. Именно на это и есть нѣкоторыя указанія въ названной лѣтописи. „Въ лѣто 1225-е, сказано въ ней,— посла князь великій Юрій Всеволодовичъ братью свою на Мордву. Они жъ взяша множество селъ и возвратистася во свояси“¹¹⁾. Подобныя же походы были, по словамъ той же лѣтописи, въ 1229 году, на Мордву *Пургасову*, и въ 1232 году. А ровно черезъ 7 лѣтъ *Татарове* *взяша Мордовскую землю... и много зла сотвориша и князей убиша...* Съ этого времени русская колонизація въ Мещерско-Мордовской землѣ, по необходимости, ослабѣла надолго.

Впрочемъ, бѣдственные военныя тревоги посѣщали нашъ край и раньше татарскаго нашествія. Особенно тяжело было жить въ нашихъ краяхъ въ 1177 году. Въ это время князь *Глѣбъ Рязанскій* *Господа Бога разгнѣви и Пречистую Его Матерь и много убивство и кровопролитіе сотвори...*

Утихла на время княжеская усобица. Тогда съ юга пошли на Рязанскую Украину Половцы. На степныхъ хищниковъ вышелъ Рязанскій князь Романъ Гдѣбовичъ и *изби много Половецъ*¹²⁾. Тѣмъ не менѣе Половецкіе набѣги на наши украинны не прекращались до самаго татарскаго погрома. Въ Никоновой лѣтописи не разъ встрѣчаются указанія въ родѣ слѣдующаго: „множество Половецъ приходша на Рязань и много зла сотвориша и отыдоша во свояси“. Заканчиваемъ наши выписки изъ Никоновой лѣтописи послѣднимъ извлеченіемъ. „Лѣта 1257

¹¹⁾ Русск. Лѣт. по Никонову списку, стр. 356.

¹²⁾ *ibid.* 237 стр.